

их составных частей, одежды, блюд, игр и т. п.), литературным эквивалентом, абсолютным синонимом или сочетанием перечисленных выше приемов (например, когда диалектное слово не имеет соответствия в литературном языке).

Представляется необходимым увеличение количества рисунков или зарисовок специфических предметов сельского быта, особенно тех, которые встречаются уже редко или вовсе не употребляются в настоящее время. Таким образом возросло бы значение диалектологического словаря для последующих этнографических исследований.

В дальнейшем желательно как можно чаще обращаться к рецензируемому труду не только диалектологам-романистам, но и лексикографам, для которых этот словарь может служить эталоном лингво-этнографического словаря в известной мере нового типа, пока редко встречающегося и в теоретическом аспекте (в теоретической лексикографии, полевой этнографии и лингвоэтнографии) недостаточно освещенного.

Хочется высказать пожелание перериз-

дать словарь (а запланировать таковое необходимо — тираж 1461 экземпляр. явно недостаточный, уже разошелся) в более полном объеме с учетом высказанных выше предложений.

«Диалектологический словарь (слова, значения, формы)» отражает специфику молдавского языкового массива. Он содержит сведения, необходимые для разработки истории молдавского языка, современного литературного языка и других смежных наук (фольклористики, этнографии, истории), для специалистов-славистов, тюркологов и др. ДС полезен для журналистов, работников издательств, писателей, учителей.

«Диалектологический словарь» стал в один ряд с фундаментальным многотомным «Молдавским лингвистическим атласом», созданным тем же коллективом авторов.

Бородина М. А.

Долинина К. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение. 1985. 287 с.

Проблемы структурной организации и содержания (семантики) текста выдвигаются на центральное место в ряду проблем современной лингвистики. Они являются тем своеобразным «перекрестком», на котором пересекаются пути исследований собственно лингвистические и собственно литературоведческие. Полное и глубокое исследование текста только с точки зрения «формы» или только в плане «содержания» невозможно. Лучшим доказательством этого является рецензируемая книга.

Будучи учебным пособием по курсу «Интерпретация текста», монография К. А. Долинина оказалась одним из первых в отечественной лингвистике исследований тех внутренних закономерностей, которые в совокупности определяют индивидуальность, неповторимость, уникальность каждого речевого произведения. Автор опирается на ту же концепцию, которая служит теоретической базой анализа стилистики как одной из форм речевой деятельности. Подход к тексту как к цельному образованию, обладающему свойством связанности, не нов. Однако четкое и ясное определение цельности текста и его частей впервые дается только в рецензируемой книге. Автор при анализе текста использует понятия теории речевой деятельности, причем использует операционально (ср. понятия значения и смысла, их отношения к содержанию — понятия ситуации — экстралингвистич.

ческой, деятельностной, понятия коммуникативного акта, соотношения номинативного и коммуникативного аспектов высказывания и текста и др.). Анализ структуры содержания текста на основе схемы коммуникативного акта дает автору возможность вскрыть специфику демотата и десигната, референта на уровне текста. Все это позволяет К. А. Долинину сформулировать определение текста (с. 32), которое выгодно отличается от многих других определений деятельностным подходом. Анализ структуры текста как абстрактной реализации статичной системы языка в известной мере породил ограниченные определения. Ссылки на иерархичность организации текста, на соотношения частей и целого и т. п. по сути не меняли дела: текст все равно оставался абстракцией, находящейся вне индивида (ср., например, концепцию текста В. Дресслера).

Для понимания сущностных характеристик текста, в особенности художественного, очень важны положения об эксплицитном и имплицитном содержании текста. Тонкие наблюдения, которые в этом плане делает К. А. Долинина, без сомнения, обогащают наши представления о подтексте, затексте и других компонентах текста, которые, на первый взгляд, далеко не очевидны и выявляются только посредством специального анализа.

Очень важно — и это в книге проводит-

ся последовательно и непротиворечиво — постоянное разграничение того, что представлено в тексте как объективной реальностью, и того, что может быть в нем обнаружено при специальном анализе. Ср., например, оппозицию «имплицитного — эксплицитного» и «коммуникативного — номинативного» при анализе художественного произведения. Эксплицитное/номинативное и эксплицитное/коммуникативное содержания являются психологически значимыми для непредубежденного носителя языка. С другой стороны, стиль, структура, составляющих текст высказываний не осознаются ни автором, ни адресатом текста, подчиняясь законам неосознанного контроля. Сущностные характеристики текста как содержательного образования складываются из многих составляющих. К их числу едва ли не в первую очередь относится уже упоминавшийся подтекст или имплицитное содержание текста. В связи с формированием имплицитного содержания важен учет принципов речевого поведения, которые автор книги выводит из общих закономерностей организации речи и текста как ее проявления. В основу выделения этих принципов положено общее свойство коммуникативности речи (с. 42 и сл.). Эти и многие другие теоретические находки автора книги содержатся в первой главе книги.

Главы II—V рецензируемого труда, на первый взгляд, посвящены совершенно иной проблематике — той, которую традиционно относят к области поэтики, теории литературы, эстетики. В них, например, рассматриваются такие вопросы, как сущность художественного образа, пространственно-временные и социальные рамки действия, типы коллизий, проблемы литературного героя, движущие силы, закономерности развития и развязка фабульного действия, художественная деталь, рассказ-показ соотношения фабульного времени и порядка рассказывания, проблема позиции повествователя, способы изображения внутреннего мира персонажей, проблема выражения авторской точки зрения и т. п. И только в главе VI, посвященной стилю художественного текста, автор как бы возвращается к лингвистике, точнее, к проблемам лингвистической стилистики (прямая и косвенная речь, несобственно прямая речь, сказ, стилизация, средства словесной изобразительности, характер построения фразы и т. д.). Однако внимательное знакомство с текстом книги приводит к выводу, что всем ее частям присуще глубокое внутреннее единство — единство цели и единство концепции. По мнению К. А. Долинина, основная задача интерпретации текста как исследовательской деятельности и как

учебной практики заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации, «почти не только то содержание, которое заложено в него автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нем помимо авторской воли» (с. 4). В соответствии с этим принципом, а также исходя из неоднократно высказывавшейся мысли о единстве системы художественного текста, автор выводит объект интерпретации из рамок дисциплины, которую В. В. Виноградов называл лингвистическую обособленную стилистикой художественной литературы, и последовательно обращается ко всем основным уровням структуры текста, начиная с фабулы и кончая стилем в узком смысле этого слова. Этим и определяется построение основных четырех глав книги, непосредственно посвященных методике интерпретации художественного текста («Фабула», «Композиция», «Образ повествователя», «Стиль»). В них автор пытается выявить, по его собственному определению, «основные узлы структуры повествовательного текста, присутствующие практически в любом произведении этого рода..., возможные конструктивные решения этих узлов... и, наконец, потенциальную художественную значимость тех или иных решений...» (с. 99). Автор пытается построить нечто вроде грамматики текста, с тем, чтобы иметь определенную основу для оценки своеобразия отдельных частных текстов. В реализации этой программы К. А. Долинин опирается на труды таких выдающихся отечественных филологов, как В. Б. Шкловский, В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, М. М. Тахтин. Но при этом он исходит из того, что литературное произведение — это прежде всего текст, речевое сообщение со всеми органически присущими ему свойствами, изучаемыми лингвистикой и теорией речевой коммуникации.

Оригинальность и научная ценность монографии К. А. Долинина заключается в том, что автор ставит основной акцент не на том, что отделяет художественный текст от повседневной практической речи, а на том, что объединяет их, и уже на этой основе выявляет подлинное своеобразие художественной литературы как особого класса речевых жанров. Отсюда необходимость первой общетеоретической главы, основные тезисы которой находят свое естественное продолжение и развитие в последующих главах (хотя связь между этими тезисами и положениями, непосредственно относящимися к структуре художественного текста, не всегда формулируются достаточно эксплицитно). Так, разграничение номинативного и коммуникативного содержания речи находит параллель в таких тради-

ционно изучаемых литературоведческой стилистикой понятиях, как фабула и образ повествователя. Вместе с тем понятия денотативного, десигнативного значения высказывания помогают опознавать разграничение фабулы и сюжета и плодотворно развить эти категории на лингвистическом уровне текста.

Из общелингвистических понятий, разрабатываемых в первой главе, особое место в концепции Е. А. Долинина занимают два, тесно связанные друг с другом, — коннотация и подтекст. Идею коннотации, трактуемой как значимость выбора из ряда потенциальных возможностей, автор положил в основу своей концепции стиля, развитой несколько лет назад в его книге, посвященной проблемам стилистики [4]. В этой книге К. А. Долинин писал: «...явление коннотации может лечь в основу не только анализа словесного стиля, но анализа текста в целом. Детальная разработка и изложение такого метода — это задача другой, еще не написанной книги». Рецензируемая монография и является осуществлением этого замысла. В самом деле, главный вопрос, на который автор пытается ответить при анализе любого элемента художественного текста, принадлежащего любому его уровню, формулируется именно так: почему автор произведения выбрал именно этот элемент (этого героя, этот сюжетный ход, этого повествователя, этот способ изображения, это слово и т. п.), а не какой-либо другой. Ответить на такой вопрос — это и значит определить коннотативное значение данного элемента. Концепция подтекста (имплицитного содержания речи), подробно разработанная в первой главе, включает в себя понятие коннотации и также проходит через всю книгу. Как убедительно демонстрирует автор, то, что называют идейно-художественным содержанием литературного произведения, во многом обусловлено подтекстом. Для интерпретации художественного текста наибольшее значение имеет тот вид имплицитного содержания речи, который автор именует общим коммуникативным подтекстом и определяет с общесемiotической точки зрения как коннотативную информацию об адресанте (с. 62).

Можно привести еще ряд примеров комплексного подхода к текстовому материалу, позволившего автору прийти к нетривиальным выводам. Так, проблема приращений смыслов, которые возникают в результате сцепления логически несвязанных фрагментов и мотивов художественного повествования, рассматривается автором в тесной связи с теорией тропов, которая, в свою очередь, увязана с проблемой имплицитного содержания текста.

В целом рецензируемая работа отлича-

ется стройностью, убедительностью и оригинальностью авторской концепции, широтой проблематики, глубоким и тонким анализом языкового и литературного материала, умелым использованием различных методик анализа и, что очень существенно, доступностью изложения. О сложных проблемах К. А. Долинин, за редким исключением, пишет просто.

Сказанное не означает, что работа лишена недостатков. Так, неоправданно сжатым, скучным представляется последний раздел книги, посвященный тому аспекту стиля художественного текста, который автор, вслед за М. М. Бахтиным, называет «авторским словом» (§§ 109—119) и в котором наиболее прямо и непосредственно проявляется индивидуальность художника. Вообще если К. А. Долинин убедительно точно и тонко анализирует явления, так или иначе связанные с «чужим словом», точкой зрения персонажа или «подставного повествователя» — те, которые сравнительно легко поддаются рациональному учету и описанию в конечном счете методами лингвистики, — то с прямыми проявлениями авторской точки зрения он работает как бы менее охотно. Видимо, это происходит потому, что последние названными методами «уловить» уже значительно труднее (если вообще возможно). В книге довольно мало говорится о ритме прозы. К. А. Долинина можно упрекнуть также в том, что он строит свою систему интерпретации, опираясь, главным образом, на классическую литературу, и недостаточно учитывает литературу сегодняшнего дня со всей ее спецификой. Понятно, мы отдаем себе отчет в том, что «грамматику» литературного текста нужно строить в первую очередь на материале произведений, реализующих норму. Однако хотелось бы получить побольше информации об отклонениях от нормы, точнее, о современных нормах отклонений от нормы.

Подводя итоги анализа рецензируемой монографии, можно считать, что книга К. А. Долинина «Интерпретация текста» представляет несомненный вклад в отечественную науку, прежде всего благодаря осуществленному в ней комплексному синтетическому подходу к материалу, который позволил автору органично и естественно связать между собой лингвистику, поэтику, теорию речевой деятельности и историю литературы. Это необходимо для объяснения такого сложного явления человеческой культуры, как художественный текст.

Волкова З. Н., Шахнарович А. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978. С. 81.